
Потенциальные противники и союзники России на страницах журнала «Разведчик» на рубеже XIX—XX вв.

Артём Черниловский

Potential rivals and allies of Russia on the pages
of the magazine «Razvedtchik» at the turn of the XIX—XX centuries

Artyom Chernilovskiy
(Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010152-8

В конце XIX в. в России готовились к большой войне в союзе с Францией против Германии и её союзников. На рубеже XIX—XX столетий возникла угроза столкновения с Японией. На страницах отечественной прессы, особенно военной, обсуждались перспективы будущих конфликтов, строились прогнозы, оценивались силы вероятных противников и союзников. Одним из изданий, в которых размещались такие материалы, был частный военный журнал «Разведчик», выходивший с 1888 г. Первоначально он представлял собой газету объявлений, затем стал печатать литературные произведения и публицистические статьи о вооружённых силах России, её партнёров и соперников.

В 1890-х гг. в «Разведчике» появилось немало публикаций о враждебности немцев и угрозе германского нашествия. Так, в апреле 1893 г. генерал-майор Л.М. Дембовский (начальник Павловского военного училища) подверг критике записки майора Тотлебена, посетившего Россию и описавшего быт русской армии. При этом отмечалось, что «в них, быть может, помимо желания самого автора, сквозит самомнение прусского офицера в отношении нашей армии, уже решительно ни на чём не основанное». Как напоминал Дембовский, «воевали мы с пруссаками очень давно, а когда это было, то всякое столкновение с ними кончалось для них поражением, каковое под Кунерсдорфом (в 1759 г.) было нанесено в такой полной степени, что их великий Фриц, в отчаянии после проигранного сражения, когда всё бежало, продолжал оставаться на поле и искал себе смерти». Не забывал автор и о том, как в 1806 г. «гарнизон первоклассной прусской крепости» Магдебурга «сдался французскому эскадрону Лассалья, причём, чтобы вывести из затруднения неприятельских кавалеристов, нежданно-негаданно сделавшихся обладателями крепости, в которую они не могли даже проникнуть через водяные рвы, прусский гарнизон сам перевёз их в лодках». Генерал-майор не без гордости писал, что «у нас даже близко ничего подходящего не было», а «когда наши войска, вследствие случайностей войны, бывали окружаемы превосходным противником, то, спасая честь русского имени и оружия, они умели штыками пробиваться через его ряды, как было при Шанграбене в 1805 году». Даже признание Тотлебена в том, что «его поражала спокойная разумность» в ответах солдат, вызывало негодование: «Почему же это поражало? Очевидно потому, что вследствие обычного самомнения пруссак он заранее представлял себе русскую армию как собрание людей низшей, по сравнению с немцами, расы, ибо такое нелепое понятие очень распространено в Германии вообще в отношении славян». По мнению же Дембовского, напро-

тив, немецкие крестьяне отличались от смышлёных и тароватых великороссов «тупоумной ограниченностью»¹.

Спустя год, сообщая читателям про «вождедения наших соседей», Дембовский констатировал, что «в последние десять лет, когда отношения между Россией и Германией стали особенно сухи, потеряв, не по нашей вине, прежнюю искренность, вышло в Германии немало сочинений, трактующих прямо о будущей войне как о чём-то неизбежном». Причём «успех этого похода в Россию в австрийских писателях ещё встречает сомнение ввиду её громадной оборонительной силы, немецкие же, закусив удила, находят, что наступление европейских армий на Москву вполне возможно, ибо с 1812 года много изменилось в пользу наступления: грунтовые дороги улучшились, вновь проведённые железные сокращают коммуникационные линии, многие болота осушены, население увеличилось, и само благосостояние его поднялось»². Иронизируя над тем, что «немцы — народ умеренный и аккуратный» и «удовольствуются самым скромным вознаграждением, нисколько не обидным для русского народа, у которого так много земли», автор уверял: «Немцам крайне необходимо отодвинуть свою восточную границу, и поэтому они желают провести её ни более, ни менее, как от Кронштадта по направлению к Азовскому морю с присоединением и Кавказа, необходимого для германского земледелия»³.

Помимо прочего, внимание Дембовского привлекла вышедшая в Германии статья некоего доктора О. Шухардта «Империя будущего», в которой описывалось оттеснение России за Днепр, включение в состав Германской империи Австрии, Турции со всеми её владениями в Европе и Азии, балканских государств, Нидерландов, Финляндии и проч. «Скажут, пожалуй, некоторые, — предвидел генерал-майор, — да из-за чего тут ломать копыта, ведь статьи, подобные вышеприведённой, есть не более как галлюцинация сумасшедшего, стоит ли, следовательно, об этом говорить? Перемешать границы и завоёвывать государства на бумаге не представляет ни малейшей трудности, и этим праздным занятием не возбраняется предаваться всякому, у кого достанет для этого охоты и досуга». Но Дембовского подобные соображения не успокаивали: «Спрашивается, однако, почему помешательство у немцев принимает теперь такие странные формы, что им всё хочется что-то завоёвывать и у кого-либо что-нибудь да отнимать? Отчего у нас не слышно, чтобы кто-нибудь сошёл с ума на перенесении нашей западной границы, например, до р. Эльбы, хотя к востоку от этой реки и жили когда-то славяне, тогда как на тех местах, которые немцы мнят на востоке включить в свои пределы, ими никогда и не пахло»⁴.

В итоге выходило, что России со времён татарского нашествия не грозила ещё такая опасность — вплоть до расчленения России, изменения внутреннего строя и религии, которую заменит новое сектантство — штундизм. Впрочем, тех, кто питал подобные замыслы, ожидало горькое разочарование: «Они до сих пор не могли понять, что главная причина неудачи похода Наполеона заключалась в том, что он сунулся к нам, совершенно не зная русского народа. Он воображал, что стоит ему дойти до Москвы и занять её, как было со всеми столицами Европы, и война кончится, всё падёт к его ногам. А между тем

¹ Дембовский Л. Как хвалят нас немцы // Разведчик. 1893. № 133. С. 392—393.

² Дембовский Л. Вождедения наших соседей // Разведчик. 1894. № 180. С. 263.

³ Дембовский Л. Вождедения // Разведчик. 1894. № 181. С. 287.

⁴ Там же. № 182. С. 302.

тогда-то она и началась — та истребительная народная война, которая вконец dokonала его армию... Немцы хотят повторить то же самое, только с большей обстоятельностью и предписать России мир в Москве или в Петербурге. Ну что же! Пусть пробуют. Так как всё это должно состояться в XX столетии, следовательно, очень скоро, то если поживём — увидим, как над Россией будут совершать эти опыты немецкие мудрецы»⁵. К сожалению, до мировых войн Дембовский не дожил, скончавшись в 1908 г. К тому времени он стал уже генералом от инфантерии и членом Военного совета.

«Разведчик» неоднократно публиковал статьи об огромной мощи германской армии и об опасности борьбы с нею. Так, в июле 1897 г. анонимный автор сообщал о создании в соседней империи скорострельной артиллерии: «Германская батарея в состоянии делать по 60 выстрелов в минуту, а одно орудие — до 10 выстрелов в тот же промежуток боя. Если сравнить с этой точки зрения нашу батарею с германской, то придём к поразительным выводам. Максимальная скорость стрельбы нашей восьмиорудийной батареи равняется 16 выстрелам в 1 минуту или 2 выстрелам для отдельного орудия. Следовательно, германская батарея оказывается в 3,75 раза сильнее нашей батареи, а германское орудие сильнее нашего в 5 раз!» Соответственно «даже при превосходстве в числе орудий на стороне противника, артиллерия последнего быстро будет задавлена числом получаемых ей снарядов и очень скоро принуждена будет позволить немцам обратиться к подготовке решительного удара»⁶. При таком положении русской армии в случае войны с германцами рекомендовалось шире применять засады, выбирать для сражений пересечённую местность, уклоняться от артиллерийской дуэли, сберегая орудия до решающего момента, по возможности сближаться на дистанцию штыкового боя. Это, конечно, сулило огромные потери, но оставляло шанс на победу.

Дембовский весной 1899 г. (в то время уже генерал-лейтенант и начальник 24-й пехотной дивизии) указывал на то, что в артиллерии русские дивизии (одна половина из них имела по 6 батарей или 48 орудий, другая — по 8 батарей или 64 орудия) заметно уступают германским (12 батарей или 72 орудия), будучи слабее либо в полтора раза, либо на 8 орудий, при том, что шестиорудийные батареи легче управлялись и представляли меньшую цель для противника⁷.

В феврале 1902 г. в журнале сетовали на то, что хотя «в деле постройки новых железных дорог русское правительство проявляет большую энергию и расходует на этот предмет громадные суммы», вследствие чего за 1880—1900 гг. протяжённость отечественной рельсовой сети более чем удвоилась, всё же в 1900 г. на 100 км² территории в России приходилось всего 0,9 км железнодорожных линий, тогда как в Германии — 9,1 км⁸.

Тревогу вызывали и предполагаемые союзники Германии. В сентябре 1893 г. «Разведчик» перепечатал статью «Санкт-Петербургских ведомостей» о балканских армиях, где, в частности, говорилось: «Сделавшись почти явным сторонником и союзником “лиги мира”, Румыния, этот “аванпост европейской ци-

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Новая германская артиллерия // Разведчик. 1897. № 352. С. 629.

⁷ Дембовский Л. Надо спешить // Разведчик. 1899. № 445. С. 381.

⁸ Эммануэль В. Новые железные дороги в России с германской точки зрения // Разведчик. 1902. № 592. С. 166.

визации на Балканском полуострове”, как называют своё отечество, освобождённое русской кровью, румынские политиканы, поклонники Запада, — усиленно вооружается, имея очевидной целью две главнейшие задачи: во-первых, создать многочисленную для такого второстепенного государства армию, способную к серьёзным наступательным операциям, и, во-вторых, подготовить свою фортификационную оборону». Не было иллюзий и относительно позиции Болгарии. «Мы настолько оптимисты, — отмечали в “Разведчике”, — что считаем невозможным со стороны созданной нами болгарской армии выступление в роли открытого врага державы-освободительницы, но и без такой комбинации недруги России сумеют утилизировать болгарские силы. Например, в случае большой войны в Европе, привлечение Турции с её многочисленной армией и флотом на свою сторону было бы весьма важно для наших неприятелей. В видах этого понадобится, быть может, произвести на неё давление, и тут то болгарская армия способна оказать им большую услугу»⁹.

В начале 1898 г. в журнале появился фельетон историка Д.И. Иловайского «Оккупация немцами России». Его герой заснул на 30 лет и после пробуждения услышал рассказ о только что закончившейся войне с Германией и Австро-Венгрией, к которым примкнули Англия, Швеция, Турция, Греция, Румыния, Афганистан и Япония. Внутри империи врага поддержали поляки, евреи, финны, немецкие колонисты, армяне, грузины, мусульманские народы Кавказа. Франция отказалась от реванша и вместе с Испанией, Италией и Португалией образовала Латинский союз. Балканские славяне остались верны своим местным интересам. Маньчжурская династия в Китае, не желавшая воевать с Петербургом, свергнута, корейская армия, подготовленная русскими, перешла на сторону врага. Коалиция выставила 5 млн солдат, Россия — 3,5 млн. Кроме того, европейцы пользовались своим техническим превосходством: незадолго до нападения немцы изобрели управляемые воздушные шары, велосипеды, способные перевозить 10—15 солдат, алюминиевые щиты, прикрывающие атакующие колонны во время боя, динамитные картечницы, сметавшие целые полки. На севере союзники взяли Архангельск, на северо-западе потопили Балтийский флот и овладели Петербургом. На западе русская армия оставила Польшу, проиграла сражения под Брест-Литовском и Смоленском. На юго-западе после первых побед над австрийцами пришлось оставить Киев — в основном из-за действий польских, еврейских и немецко-колонистских банд. На Чёрном море враг сжёг Одессу, Севастополь и Керчь. На Кавказе английские, греческие и турецкие войска одержали верх. В Средней Азии русские части били афганцев, но на Дальнем Востоке сдержать натиск англичан, немцев и японцев не удалось. Чтобы остановить дальнейший разгром и нашествие, пришлось начать переговоры о мире. Борьба длилась всего полтора месяца. Россия лишилась своих окраин, обязалась выплатить немцам 6 млрд руб. контрибуции (до уплаты занятые неприятелем губернии оставались под оккупацией) и заключила торговый договор, поставивший её обрабатывающую промышленность в зависимость от германских заводов. В стране готовились большие реформы. Петербургский период русской истории завершился, правительство переехало в Нижний Новгород, разорённый Петербург стал обычным портом¹⁰.

⁹ Периодические издания // Разведчик. 1893. № 153. С. 751.

¹⁰ *Иловайский Д.И.* Оккупация немцами России // Разведчик. 1898. № 379. С. 66—68.

Подобные перспективы, естественно, заставляли страшиться изоляции и искать союзников. «Разведчик» неоднократно информировал своих читателей о том, что Франция во всех отношениях готова к новой войне несравненно лучше, чем в 1870 г. «Интересна, между прочим, — сообщалось в феврале 1893 г., — следующая параллель, ярко иллюстрирующая патриотические усилия французов по воссозданию своей армии: с 1870 г. увеличение сил выразилось в Германии 16% для пехоты, 0% — для кавалерии, 72% — для артиллерии, а во Франции 50% — для пехоты, 31% — для кавалерии и 192% — для артиллерии»¹¹. В июне того же года в обзоре иностранной печати приводилась цитата из германского военного журнала: «В 1870 году французы для сосредоточения войск к германской границе располагали всего тремя железнодорожными линиями, дававшими 52 поезда в сутки; ныне они располагают для той же цели одиннадцатью линиями, дающими в сутки 528 поездов!»¹². В августе анонимный автор утверждал, что к 1892 г. французская армия мирного времени увеличилась по сравнению с 1869 г. на 4 тыс. офицеров, почти на 100 тыс. нижних чинов и на 50 тыс. лошадей, число артиллерийских батарей практически удвоилось. Численность резерва, ничтожная в 1869 г., составляет почти 2,5 млн человек. В военное время Франция способна выставить 2 млн солдат, кроме того, имеется 850 тыс. обученных человек в территориальной армии для охраны железных дорог и формирования ополченческих частей¹³.

В январе 1894 г. генерал-лейтенант А.Ф. Плюцинский разместил в «Разведчике» рецензию на книгу французского журналиста Тэно. Плюцинский посещал Францию вскоре после войны 1870—1871 гг., и, по его словам, в то время не было упрека, который бы там не бросили офицерскому корпусу, потерявшему в боях многих достойнейших своих представителей. Французские офицеры вынесли всё, не опускаясь до взаимных обвинений и самооправданий, и принялись за «исследование недугов своей армии, за исследование, в котором звучали не имена, а факты и породившие их причины»¹⁴. Правительство же не отказывало военному министерству в денежных средствах, осознав, что это выгоднее, чем платить контрибуцию. В результате, как считал Плюцинский, «труд Тэно ярко свидетельствует о факте полного восстановления материальных и нравственных сил государства, притом государства, постигнутого неслыханными в наше время бедствиями войны. Судьбы и жребий войны превратны, и история показывает, что ни одно из государств не застраховано от поражения более сильным и лучше подготовленным к войне противником, как это было в начале нынешнего столетия и с Пруссией. Последняя впоследствии тоже не только оправилась, но и стала во главе объединённой ей Германии, но для этого нужно было, однако, 50—60 лет»¹⁵. Франция воспрянула гораздо быстрее.

Впрочем, далеко не все полагались на реваншизм и поддержку Парижа. Так, Дембовский в 1899 г. утверждал: «Франция теперь уже начинает заигрывать с Германией, и во французской печати начинают раздаваться голоса о сближении со своим старым врагом, который и сам не прочь покончить прежние счёты... Если найдётся в годину испытаний случайный союзник — хорошо,

¹¹ Периодические издания // Разведчик. 1893. № 124. С. 185.

¹² Периодические издания // Разведчик. 1893. № 138. С. 490.

¹³ Рост вооружённой силы Франции и расходы на неё в 1871—92 гг. // Разведчик. 1893. № 149. С. 671.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Плюцинский А.Ф. Очерк готовности Франции к обороне // Разведчик. 1894. № 169. С. 6.

а нет, так и сами мы должны уметь управиться. Не первый раз. Надо быть очень слюноточивым, а таких, к сожалению, среди отечественных Маниловых очень много, чтобы придавать французской дружбе иное значение, как не желание со стороны наших союзников, чтобы мы таскали для них из огня каштаны. Французы хорошо помнят, как в конце прошлого и начале нынешнего столетий мы занимались этим благодарным занятием, ведя с ними кровопролитные войны ради немцев, так не повторим ли мы, полагают они, теперь то же самое ради них и не поднесём ли мы своим союзникам каштанчик в виде Эльзас-Лотарингии¹⁶.

Масштаб и продолжительность грядущей войны в 1890-х гг. никто не мог предвидеть. Даже расстановка сил в ней отнюдь не была очевидной. Но это лишь повышало интерес к разнообразным прогнозам. К примеру, в феврале 1892 г. в обзоре иностранной печати излагалась опубликованная в Швейцарии статья «Современное положение Европы и военный бюджет Австро-Венгрии». В ней говорилось, что большая европейская война начнётся с конфликта между Россией и Австро-Венгрией, «на берегах Днестра», и тогда «Галиция и Буковина первые узнают все ужасы русских военных действий»¹⁷. В январе 1893 г. внимание редакции привлекла итальянская брошюра, предсказывавшая что «германо-австрийская мобилизация окончится на 10 дней раньше русской», после чего «польские крепости будут взяты в тыл (так в источнике. — А.Ч.), и в Кобрине сосредоточится 500 000 немцев, которые фронтом 120 вёрст двинутся на Москву». Одновременно «300 000 австрийцев через Ковель фронтом в 90 вёрст идут туда же». По мнению итальянца, «1812-й год не повторится, потому что у союзников будут железные дороги, нигилисты и поляки»¹⁸.

В марте «Разведчик» познакомил читателей со статьёй «Московских ведомостей», в которой излагалась речь германского канцлера Л. фон Каприви в рейхстаге при обсуждении законопроекта об увеличении германской армии. В Берлине не скрывали стремления к тому, чтобы иметь возможность наступать на двух фронтах одновременно. «Располагая этой громадной армией, — рассуждали российские публицисты. — Германия в одно время перейдёт в наступление на Рейне и на Висле, но, перекинув войска через границу, будет во Франции продолжать наступление до Парижа, а в России займёт на Висле оборонительное положение. Поражение Франции будет делом нетрудным, если Италия перебросит свои войска на Верхний Рейн, а Австрия сосредоточит свою армию в Галиции и будет сдерживать русских. Пока Россия мобилизует свои войска, Франция будет сокрушена — и тройная лига получит возможность бросить все свои силы на Россию и быстро закончить войну». Правда, возникали вопросы: «Что сделает Германия, если французы будут так не любезны и не пожелают отступить, но, опираясь на свою замечательную сеть крепостей, задержат продвижение германской армии? И как быть, если Россия не пожелает ожидать поражения Франции, а дождавшись, пока германская армия “завяжет” на восточной границе Франции, двинет все свои силы к Берлину, который находится всего в 370 километрах от русской границы? Неужели в Берлине могут рассчитывать на то, что Австрия в состоянии сдержать движение русской армии? Но это вопросы второстепенные по сравнению с вопросом: что сделает

¹⁶ Дембовский Л. Надо спешить // Разведчик. 1899. № 445. С. 382.

¹⁷ Периодические издания // Разведчик. 1892. № 87. С. 92.

¹⁸ Периодические издания // Разведчик. 1893. № 119. С. 65.

Германия, когда война затянется, когда пополнение армии новым материалом и новыми людьми сделается невозможным и, вследствие прекращения подвоза, в Германии окажется не только нехватка хлеба, но полный голод?»¹⁹.

Летом того же года в обзоре иностранной печати говорилось: «Будущее вторжение германцев во Францию, по мнению одного французского писателя, будет произведено 5-ю армиями (27 корпусов, 1 200 тысяч человек), которые уже на 14-й день по объявлении мобилизации сосредоточатся у самой границы. Всё это весьма возможно, но дальше автор предполагает, что между 14-м и 28-м днём мобилизации туда же придут 300 000 австрийцев, чтобы помочь германцам поскорее справиться с французскими армиями. Австрийцы, говорит автор, могут на это решиться, так как Россия не ранее, чем через 2¹/₂ месяца, будет готова к наступательным действиям! Картина, которую рисует себе автор, действительно мрачная, тем более, что итальянцы также постараются перешагнуть Альпы»²⁰.

При этом ещё в январе 1891 г. в «Разведчике» ожидали, что «Люксембург, будучи в руках тевтонов», не только «отлично послужит для продолжения оборонительной линии на севере», но и «может служить для немецкой армии, которая направится через Бельгию, отличным опорным пунктом»²¹. Не исключалась и возможность германского вторжения в Голландию. «В основе оборонительных работ Нидерландов лежит закон о крепостях 1874 года; — напоминалось в анонимной статье в ноябре 1893 г., — при разработке плана обороны государства имелось, главным образом, в виду обезопасить его от восточного соседа — Германии, которая в 1866 году показала, как она обходится с мелкими государствами, становящимися поперёк её пути»²². Считалось, что в случае конфликта голландцам придётся отступить к Амстердаму.

Плюцинский в 1894 г. не оспаривал мнение французского журналиста Тэнно о том, что главная опасность грозит Франции именно со стороны бельгийской границы. На юге, благодаря Альпам и сильным крепостям, 3—4 французских корпуса могли остановить итальянскую армию²³. Если бы Германия и Италия нарушили нейтралитет Швейцарии, то и там горы и сильные укрепления позволили бы 120 тыс. французских солдат сдерживать неприятеля. Франко-германская граница была закрыта мощной оборонительной линией. И лишь двинувшись через Бельгию, немцы имели шанс «обойти с севера сильно укрепленный “барьер” на новой восточной границе Франции». Кроме того, «от бельгийской границы до Парижа в этом направлении всего пять переходов, причём на пути не встречается никаких серьёзных естественных преград (переправа через Маас — в пределах Бельгии), кроме каналов и небольших рек бассейна Уазы, и к услугам германцев будет густая сеть бельгийских железных дорог»²⁴.

Не случайно в мае 1894 г. в обзоре иностранной печати приводились слова, сказанные генералом Бриальмоном в бельгийском парламенте: «Нейтралитет Бельгии существует только в мирное время, ибо в дни войны этот нейтралитет будет столько раз нарушаем, сколько этого требует обстановка военных действий... Возможность пройти сквозь Бельгию для немцев весьма заманчива,

¹⁹ Германские стратегические планы // Разведчик. 1893. № 125. С. 210.

²⁰ Периодические издания // Разведчик. 1893. № 142. С. 554.

²¹ Периодические издания // Разведчик. 1891. № 42. С. 10.

²² Копенгаген и Амстердам // Разведчик. 1893. № 161. С. 896.

²³ Плюцинский А.Ф. Указ. соч. 1894. № 169. С. 7.

²⁴ Там же. № 174. С. 126—127.

ибо здесь лежат удобнейшие операционные направления между Берлином и Парижем»²⁵.

Впрочем, эти опасения не стоило драматизировать. Весьма показательно, что в сентябре 1895 г. в интервью газете «Фигаро» командующий войсками Киевского округа М.И. Драгомиров уверенно отвечал на вопрос, успеют ли немцы нанести поражение Франции раньше, чем Россия закончит мобилизацию: «Побить и раздавить в двадцать дней такую армию, как французская! Но в такой короткий срок нельзя уничтожить не только миллионную армию, но даже 500 000 солдат»²⁶.

Едва ли не больше, чем скорость мобилизации, военных беспокоило то, как Россия и Франция будут поддерживать связь друг с другом в случае войны против центральных держав. Ведь у них не вызывало сомнений, что лишь при регулярном обмене информацией «достигается единство в операциях, могущих разыграться на двух противоположных концах Европы»²⁷. Между тем если германский флот будет господствовать на море, то сможет не только преградить прямое сообщение, но и отыскать подводные морские кабели, перерезать их и прервать работу телеграфа. Посылать депеши с помощью голубей не было возможности — расстояние от французского приграничного города Нанси до ближайшей части России составляло 870 километров по прямой, почтовые птицы, за редчайшим исключением, преодолеть его не могли. Полёт же на воздушном шаре при благоприятном ветре длился бы день или полтора. Но тут всё зависело от погоды, а «по отчётам метеорологических станций насчитывается 60—65 дней в году с направлением ветра, благоприятным для полёта из Франции в Россию, и 30—35 дней для полёта обратного»²⁸. Уже через несколько лет после этой публикации появились управляемые дирижабли, аэропланы и радио.

В 1890-х гг. «Разведчик» не раз присматривался к Японии и её армии. Но лишь в октябре 1903 г. журнал опубликовал статью М.В. Грулёва о том, что в германской печати война между Россией и Японией считается неизбежной. В Германии видели, что Япония стремительно превращалась в великую державу, а её война с Китаем в 1894—1895 гг. стала «поворотным пунктом, изменившим всю военно-политическую обстановку на Тихоокеанском побережье». Японцы рассчитывали найти рынок для своих товаров в Маньчжурии, колонизировать новые земли и даже взять под свою опеку Китай. Россия же заняла те территории, на которые в Токио собирались наложить руку. Но, по оценке немецких знатоков, «как изнеженные дети ласкающего моря и полутропической страны японцы отличаются слабым физическим складом организма и мало подготовлены к перенесению суровых условий климата... Военные действия для японских войск зимой в Корее, где морозы в 20—25°R представляют собой обычное явление, кажутся маловероятными: русские войска очутились бы в привычных для них условиях, а для японских войск эти условия были бы губельны». Предполагалось, что «раньше всего должно произойти столкновение на море между эскадрами России и Японии... Японцы должны стремиться к этому морскому бою в самом начале войны с возможной поспешностью, иначе будет поздно, потому что Россия успеет притянуть подкрепления из ев-

²⁵ Периодические издания // Разведчик. 1894. № 487. С. 419.

²⁶ Периодические издания // Разведчик. 1895. № 257. С. 866.

²⁷ Орлов Н. Воздушное сообщение Франции с Россией // Разведчик. 1895. № 222. С. 39.

²⁸ Там же. С. 40.

ропейских эскадр, Балтийской и Черноморской, и тогда перевес морских сил перейдёт, несомненно, на сторону России». Если Японии удастся разбить русскую эскадру, то за 3—4 недели она сможет перевезти в Корею 200 тыс. солдат. Но к этому времени Россия сосредоточит в районе Харбина 200—250 тыс. В целом же «положение японцев на Корейском полуострове ввиду надвигающихся русских войск, имея позади изменчивую стихию моря и качающиеся суда, нельзя признать завидным»²⁹. Подобное заключение зарубежного эксперта в передаче специализированного отечественного издания невольно создавало у российской общественности излишне оптимистичные представления. Реальность оказалась не только более суровой, но и неожиданной.

---

²⁹ Грулёв М.В. Россия и Япония // Разведчик. 1903. № 678. С. 900, 902.